

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

РОССИЙСКАЯ ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОПЫТА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(Рец. на кн.: *Pension Reform in Southeastern Europe. Linking to Labor and Financial Market Reforms [Text] / ed. by R. Holzmann, L. MacKellar, J. Repanšek. – Washington, DC : World Bank, 2009. – 381 p.)*¹

Карэн Авакович Туманянц

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики,
Волгоградский государственный университет
tka210@gmail.com, htes@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Викторовна Утученкова

Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента,
Волгоградский государственный университет
maria.utuchenkova@mail.ru, econmanag@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Современный подход к изучению важной проблемы построения гибкой и устойчивой национальной пенсионной системы в сборнике «Pension reform in Southeastern Europe. Linking to labor and financial market reforms», выпущенном под эгидой Всемирного банка, отражен уже в его названии и структуре. Поиск оптимальных решений в пенсионной сфере предлагается искать во взаимосвязи с изменениями на рынке труда и финансовом рынке. Для актуальных российских дискуссий на эту тему именно такая постановка вопроса является новаторской, поскольку в отечественном дискурсе однозначно доминирует социальный аспект проблемы. Сам сборник можно разделить на две части. Анализ текущей ситуа-

ции в отдельных странах и рекомендации по осуществлению дальнейших реформ в первой части представлены учеными, а во второй – руководителями государственных органов.

Такая логика изложения материала весьма показательна. Во-первых, она демонстрирует необходимость кооперации усилий ученых и политиков при решении обсуждаемых проблем. Во-вторых, очередность расположения материалов и соотношение объема первой и второй частей книги ясно указывает на доминирующую роль науки в этом сотрудничестве. И, наконец, среди должностных лиц, чьи доклады размещены в сборнике, министры труда и/или социальной защиты, министры финансов, а также руково-

дители центральных банков. Такой подбор авторов подчеркивает важность координации действий этих трех структур для достижения поставленных целей.

Не случайно и повышенное внимание именно к опыту Юго-Восточной Европы. Наряду с Латинской Америкой этот регион является важной «лабораторией», где на практике апробируются многие новые подходы к решению проблем пенсионной системы. Подобная концентрация «экспериментаторов» на небольшой географической территории вполне объяснима. Все страны региона до 90-х гг. прошлого века строили социалистическую экономику с присущей ей системой всеобщего уравнительного социального обеспечения. Но прежние национальные пенсионные модели оказались плохо приспособленными к современным демографическим сдвигам.

Все авторы сборника отмечают сходные демографические тенденции в европей-

ских странах: снижение рождаемости, рост продолжительности жизни и связанное с этим увеличение доли старших возрастных когорт. Как видно из данных таблиц 1 и 2, данные процессы актуальны и в Российской Федерации. Для перераспределительных пенсионных отношений такие тренды означают изменение соотношения плательщиков пенсионных взносов и получателей пенсий в пользу последних. Финансовым последствием демографических сдвигов становится превышение пенсионных расходов над поступлениями в пенсионную систему. Прочтение книги приводит к однозначному выводу: пенсионные реформы в бывших социалистических странах стали попыткой адаптировать национальные модели пенсионного обеспечения к новым общественным реалиям. Именно так формулируется ключевая задача современной повестки дня и для России.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Показатель	Женщины			Мужчины		
	1980 г.	2013 г.	Изменение	1980 г.	2013 г.	Изменение
Болгария	74	78	+4	68	71	+3
Венгрия	73	79	+6	66	72	+6
Босния и Герцеговина	73	79	+6	68	74	+6
Чехия	74	81	+7	67	75	+8
Черногория	76	77	+1	70	72	+2
Словакия	74	80	+6	67	73	+6
Румыния	72	78	+6	67	71	+4
Польша	74	81	+7	66	73	+7
Хорватия	74	80	+6	66	74	+8
Россия	73	76	+3	61	66	+5

Примечание. Источник: [7].

Таблица 2

Изменение демографических показателей

Показатель	Число рождений на 1 000 человек			Доля лиц 65 лет и старше в общей численности населения, %		
	1980 г.	2013 г.	Изменение	1980 г.	2013 г.	Изменение
Болгария	15	9	-6	12	19	+7
Венгрия	14	9	-5	14	17	+3
Босния и Герцеговина	19	9	-10	6	15	+9
Чехия	15	10	-5	14	17	+3
Черногория	18	12	-6	8	13	+5
Словакия	19	10	-9	11	13	+2
Румыния	18	9	-9	10	17	+7
Польша	20	10	-10	10	15	+5
Хорватия	15	9	-6	12	18	+6
Россия	16	13	-3	10	13	+3

Примечание. Источник: [7].

Пенсионная система и рынок труда

Практически во всех исследованиях, представленных в рецензируемой книге, одной из мер адаптации экономики к современным демографическим вызовам называется повышение минимального возраста выхода на пенсию и отмена возможности досрочного получения пенсионных выплат. Большинство стран, в отличие от России, уже начали движение в этом направлении. Причем в полемике по пенсионному возрасту преобладают аспекты, связанные с возможностью продления трудовой деятельности и более полной самореализации человека. Эта позиция тесно коррелирует с концепцией активного долголетия, все чаще используемой многими странами в качестве фундамента социальной политики по отношению к старшей возрастной группе населения. Большинство авторов подчеркивают необходимость подготовки к серьезной трансформации рынка труда, обусловленной ростом среднего возраста работника. Интенсивное вовлечение пожилых людей в трудовые отношения рассматривается в «Pension reform...» как шанс восполнить растущий дефицит рабочей силы и тем самым смягчить жесткость ограничений для экономического роста со стороны трудовых ресурсов.

Как правило, российские противники пересмотра пенсионного возраста ссылаются на плохое здоровье и низкую продолжительность жизни россиян. Однако согласно статистике сегодня продолжают трудиться 33 %

российских пенсионеров [5]. Среди вышедших на пенсию в последние 7 лет доля работающих составляет около 50 % [3]. Сохраняют занятость 50 % женщин в возрасте 55–59 лет и 20 % мужчин в возрасте 60–72 лет [3]. Для 45-летних россиян средний возраст дожития составляет 24 года для мужчин и почти 33 года для женщин [3]. Таким образом, продолжительность их жизни оказывается на 2 года и на 3 года больше, чем ожидаемая продолжительность жизни при рождении (см. табл. 2). Разница объясняется значительной младенческой смертностью и высоким количеством летальных случаев в средних возрастных когортах в России. Если исходить из того, что пенсия является страховкой от лишения заработка по причине нетрудоспособности в старости, то критерии ее получения не могут определяться коэффициентами смертности, усредненными по всем возрастным группам. Продолжительность же нахождения на пенсии в нашей стране практически не отличается от соответствующих значений в развитых и развивающихся странах (см. рисунок).

Пенсионные реформы должны быть синхронизированы с трансформацией трудовых отношений – это одна из ключевых идей книги «Pension reform...». В частности, солидарные пенсионные отношения приспособлены преимущественно к традиционным формам занятости с официальным трудоустройством на длительный период времени и близкой к равномерной выплаты заработной платы.

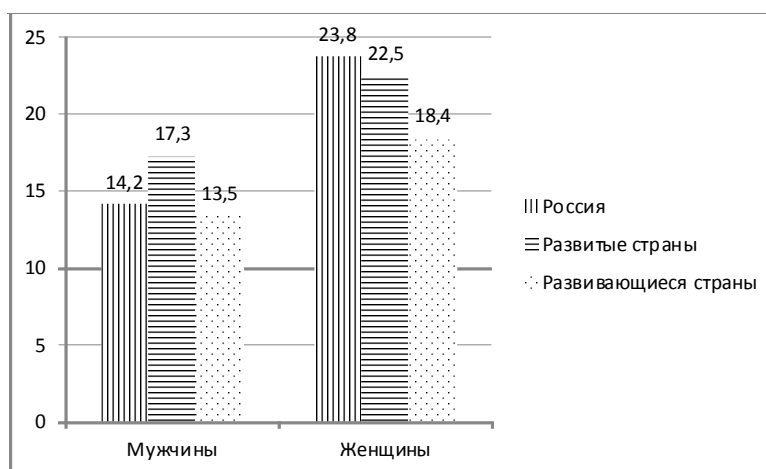

Рисунок. Средняя продолжительность нахождения на пенсии в 2010 г., количество лет

Примечание. Источник: [5].

Однако сегодня в европейских странах доминируют тенденции к распространению гибких, нестандартных форм трудоустройства и оплаты труда [6, р. 39, 93]. Фондируемые на индивидуальном уровне пенсионные обязательства адаптированы к ним гораздо лучше, нежели перераспределительные пенсии.

На российском рынке труда происходят аналогичные процессы. Доля предприятий крупного и среднего бизнеса, как правило, предлагающих стандартные формы трудоустройства, в общей структуре занятости сократилась с 82 % в 1992 г. до 54 % в 2009 году [5]. Одновременно доля работающих на основе срочных трудовых договоров, договоров на выполнение работ или других гражданско-правовых контрактов, устных соглашений выросла до 14 % [5]. Росстат оценивает общую долю неформальной занятости, включая самозанятость, в России на уровне 20 % [3]. Несмотря на это, законодатели в 2013 г. изменили пенсионное законодательство, ужесточив требования для получения страховой пенсии. В частности, минимальный трудовой стаж был увеличен с 5 до 15 лет, а также установлено минимальное значение индивидуальных пенсионных коэффициентов (далее – ИПК) в размере 30 для назначения пенсии.

Однако попытка повысить при помощи новых пенсионных правил заинтересованность россиян в легальных трудовых отношениях вряд ли будет успешной. Проблема, на наш взгляд, заключается в следующем. Закон ограничивает максимальное количество ИПК, которое может быть получено за один год, ставит размер пенсии (стоимость одного ИПК) в зависимость от общего количества ИПК, заработанных всеми получателями пенсии, а мораторий на пополнение накопительной пенсии продлевается уже третий год подряд. Первое и третье условия ухудшают пенсионное обеспечение для широкого круга лиц, имеющих значительную амплитуду колебаний годового заработка, не оставляя им при этом возможности реализовать свои интересы в фондируемой компоненте, а второе снижает предсказуемость будущих пенсионных выплат для участников пенсионного страхования. Snjezana Rudic, министр финансов Республики Сербия, где уже с 2001 г. действует подобный механизм автоматической балансировки

доходов и расходов пенсионной системы, пишет о планах ее правительства отменить такой порядок определения пенсий. Это обусловлено общественным недовольством, низкой прозрачностью процедуры начисления пенсий, наличием возможностей для манипуляций, несправедливой оценкой пенсионных прав [6, р. 323]. Таким образом, вместо рекомендуемого европейскими экспертами повышения гибкости пенсионных правил эволюция российского законодательства идет в направлении создания жесткой конструкции пенсионирования, не адекватной интересам все возрастающей части работающего населения страны.

Тема правильной мотивации и сбалансированности экономических интересов различных социальных групп в сфере пенсионных отношений красной нитью прослеживается во всех работах сборника. Она отражена, прежде всего, в предложении усилить на индивидуальном уровне взаимосвязь между размером и длительностью уплаты пенсионных взносов, с одной стороны, и величиной пенсии – с другой. По этому вопросу представители научного сообщества и государственных органов демонстрируют полное совпадение взглядов. Среди положительных последствий этого подхода ими называются поощрение формальной занятости, адекватность потребностям самозанятых, стимулирование уплаты пенсионных взносов работниками и построение прочного финансового фундамента материального обеспечения старости.

Решение же возникающей при этом проблемы небольшого размера пенсии у низкооплачиваемых категорий занятых или работников с короткой трудовой биографией (многодетные матери, безработные и т. д.) многим авторам «Pension Reforms...» видится в повышении минимальных государственных пенсионных гарантий [6, р. 14]. Однако такой способ, напротив, существенно ослабляет зависимость размера индивидуальной пенсии от отчислений на пенсионные цели. Ведь в этом случае установление более высокого размера выплат относительно актуарно обоснованного значения для одних участников пенсионных отношений должно быть профинансировано занижением пенсии для других. В результате на персональном уровне теряется адекватность пенсионных выплат и на-

копленных пенсионных взносов. Например, наличие в российской «пенсионной формуле» минимальной базовой (фиксированной) компоненты и ее удвоение пенсионерам старше 80 лет приводят к тому, что для лиц с низким размером пенсионных отчислений пенсия может достигать 70 % заработной платы, тогда как у высокооплачиваемых слоев общества пенсионная выплата не превышает 15 % трудового заработка.

Гарантированный государством минимум пенсионного обеспечения в меньшей степени будет противоречить идее определения размера пенсии на основе величины уплаченных пенсионных взносов только при достаточно низком уровне таких гарантий. Эконометрическим обоснованием такого подхода может служить работа Gary Vurtless из Вашингтонского Brookings Institution, включенная в рецензируемое издание. Он выявил положительную связь между нормой чистого замещения в стандартном возрасте выхода на пенсию и долей работников в возрасте 60–64 лет, желающих прекратить свою трудовую деятельность. Повышение ставки замещения на 10 процентных пунктов увеличивает долю покидающих рынок труда на 6 процентных пунктов [6, р. 141]. В этой связи вывод сотрудников министерства финансов Эстонии T. Lilleleid, V. Tali, T. Auvaart о нейтрализации всех видов рисков при сочетании трех компонентов пенсионного обеспечения: перераспределительной пенсии, накопительной обязательной и накопительной добровольной – представляется сильным преувеличением [6, р. 228].

«Идеальная» формула суммы трех ярусов пенсионной системы, как следует из других исследований рецензируемого сборника, перестает работать при столкновении с реальными людьми, а не абстрактным «человеком экономическим». Совместное влияние разнородных институтов пенсионной системы зачастую порождает эффект вытеснения в поведении индивида, когда высокая оценка уровня пенсионного обеспечения, предоставляемого одним из элементов пенсионной системы, лишает стимулов к участию в других. Интерпретация этого эффекта в терминах взаимосвязи коллективных и индивидуальных рисков будет представлена ниже. Избежать попадания в ловушку логики замещения, по мнению глав-

ного экономиста министерства финансов Словении G. Capriolo, возможно лишь на основе корректного понимания самой природы пенсионных отношений. Их предметом выступает не перераспределение средств от одних групп населения к другим, а сглаживание объема потребления между различными по уровню доходов фазами жизни человека [6, р. 278].

Пенсионная система и финансовый рынок

Второй акцент сборника, как говорилось выше, сделан на взаимном влиянии пенсионной системы и финансового рынка. Неожиданное доказательство необходимости их взаимосвязи представлено в работе A. Bovenberg. В своих рассуждениях профессор из Университета Tilburg (Нидерланды) исходит из того, что наблюдаемое сокращение рождаемости приводит к снижению потребительских расходов современных поколений детородного возраста по сравнению с предыдущими. Следовательно, высвобождаемая часть их дохода может быть направлена на сбережения, предназначенные в будущем для замещения внутрисемейных трансфертов (помощи детей) [6, р. 38]. Эта точка зрения заставляет переоценить аргумент противников накопительной пенсии о низких доходах большей части россиян, не позволяющих им скопить достаточно средств на обеспечение собственной старости.

Строго говоря, формирование ресурсов для финансирования потребления в пожилом возрасте не обязательно должно происходить в рамках пенсионной системы. Пенсионная система охватывает лишь часть социально-экономических отношений, складывающихся по поводу материального обеспечения старости [6, р. 278]. В этом смысле любые формы сбережений, позволяющие домашнему хозяйству осуществить выравнивание потребления в разные периоды жизни, могут рассматриваться как альтернатива участию в пенсионных программах. Однако индивиды редко адекватно оценивают долгосрочные риски, что проявляется в известном эффекте близорукости («myopia»). Поэтому перевод с 2013 г. российской накопительной пенсии в добровольный режим трудно назвать удачным решением. Ведь обязательный характер пенсионных

накоплений позволяет восполнить дефекты рациональности домашних хозяйств.

Кроме того, исследование Anita Tuladhar, экономиста европейского департамента МВФ, подтверждает негативное влияние на величину пенсионных накоплений роста государственных пенсионных расходов и ставки замещения пенсией заработной платы [6, p. 199]. Объяснение этого феномена связано с уже упоминавшимся эффектом замещения. Увеличение благосостояния пожилых граждан в текущем периоде благодаря росту финансирования государством пенсионных программ создает у будущих пенсионеров ощущение эффективности коллективных механизмов материального обеспечения старости. Чувство социальной защищенности и низкая оценка риска бедности в пожилом возрасте снижают индивидуальные стимулы к формированию личных пенсионных сбережений. На наш взгляд, эта модель многое объясняет и в поведении россиян, в подавляющем числе не проявляющих заботу о своей будущей пенсии. Социологические опросы регулярно фиксируют недовольство уровнем пенсионного обеспечения в нашей стране, но при этом большинство респондентов уверены в небольшой, но стабильной и гарантированной поддержке со стороны государства [2]. Их позиция представляется вполне обоснованной, ведь за последние десять лет средний коэффициент замещения в России вырос с 27,5 до 33 %, государственные расходы на пенсии в процентах к ВВП практически удвоились, а средний размер пенсии на 65 % превысил прожиточный минимум пенсионера [1].

Однако повышение уровня жизни пенсионеров сопровождалось увеличением несбалансированности доходов и расходов пенсионной системы. Уровень дефицита Пенсионного фонда РФ (ПФР) за этот же период вырос с 6 % от объема годовых поступлений в 2004 г. до 35 % в 2014 году [1]. В абсолютном выражении размер ежегодного трансферта ПФР из федерального бюджета увеличился с 60 млрд до 2,1 трлн руб., что уже эквивалентно 3 % ВВП [1]. Сохранение солидарного пенсионного обеспечения в условиях старения населения России будет требовать либо все большего объема финансовых ресурсов, дополнительные источники получения кото-

рых практически отсутствуют, либо сокращения объема выплат. Таким образом, несмотря на успехи последних лет в борьбе с бедностью среди пожилой части общества, риск столкнуться с нищетой в старости не ликвидирован. Солидарная пенсионная система лишь переводит его с индивидуального на коллективный уровень. Накопительная пенсия также несет риски незащищенной старости, однако они находятся на индивидуальном уровне и, в отличие от коллективных, являются управляемыми.

Кроме того, капитализация пенсионных взносов генерирует как микро-, так и макроэкономические положительные эффекты. Один из них заключается в развитии финансовых рынков благодаря спросу на фондовые активы со стороны пенсионных фондов (НПФ) и управляющих компаний (УК). В нескольких исследованиях, вошедших в рецензируемый сборник, отмечается повышение доступности капитала для бизнеса, разрушение монополии банковского сектора на трансформацию сбережений в инвестиции, улучшение корпоративного управления публичных компаний. Как отмечает чилийский экономист А. Iglesias, высокий уровень развития финансовых рынков выступает одновременно и условием, и следствием формирования накопительной пенсионной системы. Однако авторы отмечают, что автоматически подобные результаты функционирования накопительной пенсионной системы не достигаются. Ключевым фактором успеха в этом направлении выступает политика государства по формированию благоприятного инвестиционного климата [6, p. 20] и регулированию вложений пенсионных средств [6, p. 258].

Преобладание в структуре пенсионных активов краткосрочных, как правило государственных, облигаций и банковских депозитов, по мнению авторов, свидетельствует о наличии дефектов либо в макроэкономике, либо в дизайне механизма капитализации пенсионных взносов. Для многих стран региона, как и для России, такой портфель совсем не редкость [6, p. 21]. Интересное объяснение этого феномена предложено в статье А. Tuladhar. На основе статистики финансовых активов домашних хозяйств она выяснила, что жители развивающихся стран в целом предпочи-

тают размещать свои сбережения (не только пенсионные) в краткосрочные финансовые инструменты. Например, доля акций и их аналогов в развивающихся странах в среднем составляет около 25 % от активов населения, тогда как в развитых странах она превышает 40 % [6, р. 197]. Этот факт, по мнению исследователя, объясняет и различия в размере накопленных пенсионных активов между странами – членами ОЭСР (90 % ВВП) и не являющихся таковыми (37 % ВВП), за исключением Китая, Малайзии и Сингапура.

Однако его можно интерпретировать и в более широком контексте. С одной стороны, слабые гарантии частной собственности, неустойчивая макроэкономическая ситуация и неблагоприятный инвестиционный климат в стране являются сдерживающими факторами для населения при вложении своих средств в рискованные активы. С другой стороны, в странах с конкурентной моделью рынка пенсионных услуг (к ним относятся все страны Юго-Восточной Европы) финансовые институты, размещающие пенсионные средства, вынуждены ориентироваться на мнение своих клиентов. Соответственно структура пенсионных активов, находящихся в управлении финансовых организаций, максимально приближается к доминирующему у клиентов представлению об оптимальном уровне риска.

Известную роль в этом играет и требование о минимальной гарантированной доходности, установленное во многих странах, включая Россию. Например, в Словении, пишет профессор Университета Любляны А. Berk, необходимость компенсировать отрицательную разницу между гарантированной и фактической доходностью за счет собственного капитала приводит к размещению большей части пенсионных средств во внутренние государственные облигации [6, р. 211], хотя результаты многих исследований свидетельствуют о предпочтительности акций для инвестирования долгосрочных финансовых ресурсов. А. Berk очень наглядно иллюстрирует эту мысль путем расчета необходимых взносов для получения пенсии при разных вариантах инвестирования. При начале накопления в 27 лет, для того чтобы получать ежемесячно с 65 лет 700 евро, необходимо ежегодно откладывать 3 300 евро, если вкладывать в ак-

ции, и 7 200 евро, если вкладывать в облигации [6, р. 216]. Однако стремление снизить инвестиционные и регулятивные риски заставляет пенсионные фонды выбирать консервативную стратегию размещения средств. В итоге доходность пенсионных накоплений оказывается низкой, что вызывает общественное разочарование накопительным механизмом пенсионирования.

Еще одной причиной низкой доходности выступает специфический характер конкуренции на пенсионном рынке. Наличие нескольких участников и даже нескольких типов участников (например, в Словении пенсионные счета граждан ведут государственный и частные пенсионные фонды, страховые компании и банки), отмечает А. Berk [6, р. 210], не стимулирует их к повышению доходности по пенсионным счетам. Как выясняется, решение клиента о выборе организации, управляющей его пенсионными сбережениями, слабо зависит от успешности ее инвестиционной деятельности. Более значимыми оказываются различные маркетинговые усилия и эффективность агентской сети участников пенсионного рынка. Используя статистику по 8 латиноамериканским странам в период с 1984 по 2005 г., А. Tuladhar также доказала отсутствие значимого влияния годовой доходности на изменение количества участников и объема активов пенсионных фондов [6, р. 200]. Аналогичные расчеты по российскому пенсионному рынку подтверждают справедливость этого вывода для нашей страны [4].

Одной из серьезных угроз развитию накопительного пенсионного обеспечения выступает, по мнению А. Berk, оторванность деятельности финансовых институтов от функционирования финансового рынка. Эта важная мысль не получила продолжения в его публикации, что не может не вызывать сожаления, поскольку именно эта опасная тенденция начинает складываться в России. В стремлении снизить волатильность годовых финансовых результатов отечественные НПФ и УК наращивают вложения в инструменты, стоимость которых не меняется или слабо меняется под воздействием рыночной конъюнктуры. До недавнего времени в роли таких инструментов выступали банковские депозиты и ипотечные бумаги.

После того как Банк России внес изменения в нормативные документы, направленные на ограничение инвестиций в эти объекты, растущую популярность, в том числе с подачи государства, начали приобретать вложения в инфраструктурные облигации. Основная проблема таких вложений заключается в низкой степени их ликвидности. С большинством из них после первоначального размещения сделок на вторичном рынке не совершается, следствием чего становится невозможность дать справедливую оценку их текущей рыночной стоимости, а значит, и состоянию портфеля и инвестиционным результатам НПФ или УК. Таким образом, прозрачность процесса размещения пенсионных средств для клиентов и регулятора значительно снижается, создавая питательную среду для манипуляций и злоупотреблений.

Сборник «Pension reform in Southeastern Europe. Linking to labor and financial market reforms» убедительно подтверждает, что проблемы пенсионной системы России не имеют уникального характера. Следовательно, изучение опыта восточноевропейских стран будет способствовать поиску оптимальных путей их преодоления. Единственной помехой для этого нам представляется отсутствие русскоязычного перевода рецензируемой книги. Но эта причина несущественна, чего не скажешь о задачах пенсионного реформирования в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-02-00112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исполнение бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации // Росстат. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/gfin_tab1.htm (accessed October 11, 2015).
2. Мониторинг финансового поведения населения. Стратегии финансового поведения российского населения. Available at: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3411&T=q (accessed September 26, 2015).
3. Обследование населения по проблемам занятости // Росстат. Available at: <http://www.gks.ru/>

[bgd/regl/b15_30/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm) (accessed October 11, 2015).

4. Туманянц, К. А. Влияние эффективности инвестирования на конкурентность пенсионного рынка России / К. А. Туманянц, Г. В. Тимофеева, Ю. В. Тимофеев // Вестник НГУЭУ. – 2015. – № 3. – С. 39–54.

5. OECD reviews of labour market and social policies: Russian Federation. – OECD Publishing, 2011. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264118720-en>.

6. Pension reform in Southeastern Europe. Linking to labor and financial market reforms / ed. by R. Holzmann, L. MacKellar, J. Repanšek. – Washington, DC : World Bank, 2009. – 381 p.

7. World Bank. Database. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator> (accessed October 4, 2015).

REFERENCES

1. Ispolnenie byudzhetov gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov Rossiyskoy Federatsii [The Administration of Budgets of State Extra-Budgetary Funds of the Russian Federation]. *Rosstat*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/gfin_tab1.htm. (accessed October 11, 2015).

2. *Monitoring finansovogo povedeniya naseleniya. Strategii finansovogo povedeniya rossiyskogo naseleniya* [Monitoring of the Financial Behavior of the Population. Strategies of the Financial Behavior of the Russian Population]. Available at: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3411&T=q. (accessed September 26, 2015).

3. *Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti* [The Population Survey on Employment Problems]. *Rosstat*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm. (accessed October 11, 2015).

4. Tumananyants K.A., Timofeeva G.V., Timofeev Yu.V. Vliyanie effektivnosti investirovaniya na konkurentnost pensionnogo rynka Rossii [The Impact of Investment Performance on the Competition of Russian Pension Market]. *Vestnik NGUEU*, 2015, no. 3, pp. 39-54.

5. *OECD Reviews of Labour Market and Social Policies: Russian Federation 2011*. OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264118720-en>.

6. Holzmann R., MacKellar L., Repanšek J. *Pension Reform in Southeastern Europe. Linking to Labor and Financial Market Reforms*. Washington, DC : World Bank, 2009. 381 p.

7. World Bank. Database. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator>. (accessed October 4, 2015).

**RUSSIAN PENSION REFORM THROUGH EXPERIENCE
OF SOUTHEASTERN EUROPE**

**(Book Review: Pension reform in Southeastern Europe. Linking to Labor and
Financial Market Reforms [Text] / R. Holzmann, L. MacKellar, J. Repanšek,
eds. – Washington, DC : World Bank, 2009. – 381 p.)**

Karen Avakovich Tumanyants

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economic Theory and Economic Policy,
Volgograd State University
tka210@gmail.com, htes@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Mariya Viktorovna Utuchenkova

Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor, Department of Management,
Volgograd State University
maria.utuchenkova@mail.ru, econmanag@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation